

G. Rohlfs. Die lexikalische Differenzierung der romanischen Sprachen. Versuch einer romanischen Wortgeographie.—München, Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1954. 108 стр.

Существует довольно обширная литература, посвященная дифференциации романских языков. В свое время были высказаны различные точки зрения по этому вопросу. Известно, например, мнение Г. Шухардта, поддержанное затем Г. Асколи, о решающей роли этнического субстрата в образовании романских языков. Известна также «хронологическая» теория Г. Грёбера, объяснявшего языковую дифференциацию Рومании различными сроками колонизации ее частей. В. Мейер-Любке в этом вопросе придавал особое значение распаду Римской империи и образованию на ее территории новых государств.

В наше время интерес к проблеме образования романских языков не упал. В 1950 г., например, швейцарский лингвист В. Вартбург опубликовал книгу «Die Ausgliederung der romanischen Sprachräume» (Bern), в которой вновь защищается идея этнологического фактора в образовании романских языков, а также выдвигается теория германских влияний, обусловивших якобы дифференциацию романских языков.

Рецензируемая книга Г. Рольфа привлекает внимание несколько новой постановкой вопроса. Г. Рольфс не разделяет мнение В. Вартбурга о решающей роли этнического субстрата и позднейших германских влияний в образовании романских языков. Основные причины языковой дифференциации Румании он видит, как и В. Мейер-Любке, в нарушении связей между отдельными частями Римской империи в связи с ее распадом. Особое значение придает он появлению новых центров духовной и хозяйственной жизни (Irradiationszentren)¹, которые могли противопоставить свое влияние влиянию Рима. В таких условиях латинские Галлия, Дакция, Испания идет по особому пути развития. Утверждаются новые формы выражения (die sprachliche Neuerung, innovatio). Появление и накопление свойственных каждому языку «инноваций» определяют, по Рольфсу, процесс дифференциации романских языков. Это положение иллюстрируется в книге на лексическом материале. Автор рассматривает в романских языках термины родства (дядя, невестка, тесть), слова, обозначающие животных (лиса, петух, козёл, кобыла), обозначения дней недели (четверг, воскресенье), несколько глаголов (найти, любить, жить) и наречий (больше, завтра), союга и предлог. Анализ ведется по рядам слов, соответствующих определенному понятию (всего 51 ряд). Так, например, вместе рассматриваются существительные романских языков, восходящие к лат. *caput* (рум. *sar*, итал. *saro*, исп. *sabeza* и т. д.), или развившиеся из других элементов (франц. *tête*). В основе этого объединения лежит понятие «голова». Для большей наглядности приводятся карты, иллюстрирующие территориальное распределение анализируемых слов каждого ряда.

Автор прослеживает, как на различных территориях сохраняется или исчезает старый, латинский тип, какие причины, по его мнению, определяют морфологическое изменение старого слова или его полную замену новым словом и т. д. Ссылки на языковые памятники, а также на диалектологический материал иногда помогают дополнить картину лексической дифференциации. Здесь, однако, Рольфс не последователен. Приводя, как правило, обширный материал по итальянской диалектологии, он в то же время скупо освещает диалектные факты других языков, которые могли бы представить большой интерес. Так, изучая судьбу латинских существительных *femina* «женщина» и *mulier* «жена» в романских языках, Рольфс приводит подробные данные по итальянским диалектам. Что же касается румынского языка, то автор ограничивается лишь указанием на то, что здесь имеет место особый случай: со значением «женщина» употребляется существительное *femeie*, развившееся из *familia* «семья». Вместе с тем имеющиеся данные о широком употреблении в юго-западных областях Румынии существительного *muie*, восходящего к лат. *mulier*², могут существенно дополнить представления о дифференциации в романских языках слов, выражающих понятия «женщина», «жена».

В заключительной части книги автор делает некоторые выводы по проведенному исследованию. В качестве «движущих сил» происходивших в романских языках лексических изменений автор рассматривает стремление к большей экспрессии, изменения в материальной жизни людей, стремление к большей наглядности, субстратное влияние, склонность к ласкательным образованиям, заимствования из других языков и т. д. Любопытно отметить, что для Рольфа субстратное влияние и заимствования из других языков, в отличие от Вартбурга, являются частными вопросами языковой дифференциации Румании.

¹ Положение о центрах языковой иррадиации используется Г. Рольфом также при изучении диалектных отношений внутри итальянского языка. См. его статью «La struttura linguistica dell'Italia» в сб. «An den Quellen der romanischen Sprachen», Halle (Saale), 1952.

² См. S. P o p, La dialectologie, pt. 1, Louvain, [1950], стр. 732—733 (см. карту). *Muie* зарегистрировано также в «Румынско-русском словаре» под ред. Б. А. Андрианова и Д. Е. Михальчи (М., 1954).

Большой интерес представляют выводы о соотношениях, сложившихся между романскими языками в результате их лексической дифференциации. Г. Рольфе указывает, что румынский язык оказался наиболее подверженным лексическим изменениям. Три пятых исследованных слов не имеют прямых соответствий в других романских языках. Далее, хотя и с меньшим количеством собственных типов (почти одна треть), следует условно называемый испанско-португальский язык.

Тот факт, что языки крайних областей романской территории наиболее богаты лексическими новообразованиями, объясняется, по выражению Рольфе, действием центробежных сил. Вместе с тем Рольфе указывает на общность некоторой части испанско-португальского и румынского словаря — общность, которая тем более интересна, что внутренние романские области (Италии, Франции) развивают свои собственные лексические типы. В качестве иллюстрации он приводит заимствованную у Бартоли схему¹.

Иберия	Галлия	Италия	Дакция
<i>magis</i>	<i>plus</i>	<i>plus</i>	<i>magis</i>
<i>fervere</i>	<i>bullire</i>	<i>bullire</i>	<i>fervere</i>
<i>rogare</i>	<i>precare</i>	<i>precare</i>	<i>rogare</i>
<i>humerus</i>	<i>spatula</i>	<i>spatula</i>	<i>humerus</i>
<i>afflare</i>	<i>tropare</i>	<i>tropare</i>	<i>afflare</i>
<i>equa</i>	<i>jumentum</i>	<i>caballa</i>	<i>equa</i>

Здесь «Иберия» соответствует Нирейскому полуострову, «Галлия» — современной Франции, «Дакция» — Румынии. Эта схема действительно хорошо показывает, как некоторые латинские слова продолжали существовать в крайних романских областях, тогда как внутренние области заменили их новыми. Иначе, однако, что автор не подкрепил своими собственными наблюдениями мысль об «известном родстве румынского и иберо-романских языков, которое состоит в сохранении древних латинских элементов».

Вместе с тем известная близость характеризует лексику языков, распространенных во внутренних романских областях (Франция и Италия). Это в значительной мере объясняется тем, что между этими территориями издавна существовали связи более прочные, чем между другими романскими областями.

Следует остановиться на вопросе о месте каталанского языка среди других романских языков. Наблюдения Рольфе показывают, что с лексической точки зрения каталанский язык более тесно связан с галло-романскими, чем с иберо-романскими языками. 33% исследованной Рольфом лексики общи сопоставляемым языкам, 6% представляют лексические элементы, свойственные только каталанскому языку, 57% соответствуют провансальским словам и лишь 4% — испанским. Эти данные сами по себе очень интересны, однако не следует переоценивать их значения. Ведь они касаются лишь лексической стороны проблемы. Поэтому нельзя согласиться с Рольфом, когда он, имея в виду каталанский язык в целом, а не его лексику, заявляет, что «каталанский язык — это „dépendance“ провансальского». Известно, однако, что в грамматическом плане каталанский язык имеет больше общего с испанским, чем с провансальским языком².

Отмеченные нами недостатки не снижают научной ценности книги Г. Рольфе. Достиженные им результаты представляют собой большой интерес для каждого романиста.

В. В. Макаров

¹ В данном случае Г. Рольфе обращается к так называемой «латеральной норме» итальянского лингвиста М. Бартоли, влияние которого вообще сильно чувствуется в рецензируемой книге. См., например: G. Bertoni, M. Bartoli, Breviario di neolinguitica, pt. 2, Modena, 1928; M. Bartoli, Per la storia del latino volgare, «Archivio glottologico italiano», vol. 21, sezione neolatina, Torino, 1927, стр. 9.

² См. Badia Margarit, Fisiognómica comparada de las lenguas catalana y castellana, Barcelona, 1955, стр. 22—23. Заслуживает внимания попытка автора вообще отказаться от традиционного вопроса о том, к какой группе языков принадлежит каталанский язык. По его мнению, этот язык представляет собой переходный язык — «мост» («puente») между иберо-романскими и галло-романскими языками.